

Хотя модели компании и считались безупречными, долгое пребывание в этой среде неизбежно оставляло на них свой отпечаток. Они впитывали чужеродные нотки, которые скрывали их истинное благородство, и как бы Бай Дань потом ни старался снимать их, он уже не мог добиться того самого ощущения, к которому стремился. Впрочем, раз он берет деньги у других и делает работу для других, то, если заказчики довольны, на этом можно и успокоиться.

Занимаясь завтраком, Бай Дань невольно вспоминал сцену, свидетелем которой стал только что. Хотя с виду этот мужчина был белокожим и выглядел до жалости беззащитным, под одеждой скрывалось на удивление крепкое тело — не слишком грубое, но и не слишком мягкое.

— Ма-ма, мыть-мыть... — эта невинная улыбка на его лице, сам не зная почему, вызвала у Бай Даня странное желание безжалостно ее разорвать.

С тех пор как он начал свой путь в обществе, он перестал позволять чему-либо выводить себя из равновесия. Но эта внезапно промелькнувшая мысль напугала самого Бай Даня.

— Ну хорошо, мыть-мыть... Еда почти готова, иди садись за стол.

— Лэн-эр, мама, зови меня Лэн-эр. — Опустив голову, мужчина, называвший себя Лэн-эр, расплылся в счастливой улыбке.

— Лэн-эр?!

— Угу.

— ...

Отработав смену, Бай Дань впервые в жизни почувствовал, что совсем не хочет возвращаться домой. Все-таки в компании лучше: высокая зарплата, хорошие бонусы и даже отношение коллег первоклассное.

— Учитель Бай, почему вы еще не уходите? Обычно вы уходите первым. Вас что, бросили? — У всех помощники как помощники, сплошь красавицы, а Бай Дань, вопреки ожиданиям окружающих, выбрал себе в ассистенты здорового женатого мужчину.

— Если хочешь уйти — иди, а не то я уведу твою жену! Невыносимо возвращаться каждый день домой, где тебя никто не ждет!

— Учитель Бай, ну не надо! Вы же знаете, моя жена от вас без ума, стоит вам только мизинцем поманить, она тут же меня бросит. У вас разве рука поднимется?

Что ж, Бай Дань должен был признать: его ассистент, когда притворялся жалким, выглядел до того отвратительно, что по сравнению с кое-кем из дома — небо и земля.

— Проваливай уже, смотреть на тебя тошно.

— Слушаюсь!

Просидев в офисе еще около получаса, Бай Дань больше не мог усидеть на месте. Стоило ему остаться без дела, как в голову лезли всякие мысли, а стоило начать размышлять — как он вспоминал о некоем незнакомце, все еще остающемся в его доме... к тому же незнакомце с явно расшатанными нервами.

О боже!

Бай Дань схватил сумку и поспешил домой. Едва он вставил ключ в замочную скважину, как дверь распахнулась еще до того, как он успел ее повернуть.

— Ма-ма!

Черт возьми! Бай Дань едва сдержался, чтобы не выругаться вслух. Стоило вернуться, как его встречают с таким пылом — эта манера поведения была совершенно невыносимой. И потом, он — настоящий мужчина, взрослый человек, как его могут называть мамой? Он понятия не имел, что у него есть такая функция!

— Ма-ма-ма-ма-ма-ма! Лэн-эр так скучал! Почему мама вернулась так поздно? — Лэн-эр принялся растирать Бай Даня, согревая его своим теплым телом, отчего тот мгновенно почувствовал уют.

— ...На работе были дела. — Бай Дань и сам не мог понять, почему оправдывается перед Лэн-эром, ведь он должен был испытывать к этому мужчине отвращение. Но глубоко внутри какой-то голос заставлял его оправдывать все ожидания Лэн-эра. Разве это не странно?

— Лэн-эр хороший, Лэн-эр знает, что мама занята... поэтому послушно ждал дома... — Лэн-эр одарил его сладкой улыбкой, ожидая похвалы, и, держа Бай Даня за руку, повел в квартиру, ставшую их общим домом.

Так в пустом сердце Бай Даня поселился нелепый мужчина. Впрочем, была и потеря, и приобретение. Лишившись сердца, которое принадлежало только ему, он взамен получил горячие обеды и теплые объятия в любое время суток. В течение тех полугода, что они жили вместе, тот человек, невзирая на бури и невзгоды, всегда оставался рядом.

— Дань, если однажды меня не станет рядом, ты будешь скучать? — После сотни с лишним дней усилий Бай Дань наконец добился того, чтобы Лэн-эр перестал называть его мамой. Имя

Дань, заменившее прежнее обращение, внесло тонкие изменения в их отношения.

— Господи, куда ты денешься, дурачок? Спи давай, чего столько думаешь? Ты что, сегодня головой ударился?! — Из-за тяжелого дня глаза Бай Даня уже почти закрывались. Он ответил Лэн-эру, толком не соображая, и совершенно не заметил, что сегодня тот был чем-то необычен.

Повернувшись на другой бок, он натянул одеяло и уснул, отвернувшись от Лэн-эра.

Да, сегодня он действительно ударился головой. Если бы это было возможно, как бы он хотел, чтобы ничего этого не было. Но, к сожалению, память вернулась, а вместе с ней пришло и осознание: Лэн-эр должен исчезнуть.

Глядя на спящего человека, отвернувшегося от него, он чувствовал, как бы сильно ни тянуло остаться, ничего не попишешь. Тот, кто живет во тьме, не имеет права на слабости, а тем более — на любовь.

Тридцать лет — время, когда карьера мужчины только достигает пика. Но Бай Дань, прославленный дизайнер, за которым следили все взоры, объявил об уходе в тень. Многие сочувствовали: как можно так легко бросить столь перспективное дело? Но были и те, кто радовался: одним грозным конкурентом меньше, а значит, у них появляется шанс подняться выше и видеть дальше.

Не спрашивайте, куда я ушел, и не пытайтесь меня искать. Вам достаточно знать, что я счастлив. Бай Дань.

Бай Дань ушел. Никто не знал, куда он направился. Те, кто уважал его, не стали искать. Те, кто искал — не нашли.

Белоснежная зима. Снежинки, парящие в воздухе на фоне ледяных узоров, казались прозрачными и чистыми.

Человек стоял у окна. Тонкая одежда приоткрывала красивые ключицы, но их изгиб проигрывал в сравнении с тем счастьем, что застыло в уголках его губ. Позади слышались шаги, и на плечи мужчины легла верхняя одежда. Обняв его поверх пальто, кто-то тихо прошептал:

— Дань, я люблю тебя.

Правой рукой он сжал левую руку того, кто стоял за спиной. Счастье, которого они так долго ждали — теперь, когда оба берегли его, этого было достаточно.

— Лэн, я тоже тебя люблю.

Предрешено судьбой

Счастливого Сочельника! Из всех иностранных праздников я больше всего люблю Белый день и Рождество, потому что они оба — белые~

Подкиньте билетик, если можно, или хотя бы оставьте комментарий с пожеланием счастливого Сочельника или Рождества!!!

Что такое любовь? Это когда из-за повышенного уровня гормонов два человека, знакомых или нет, встречаются, узнают друг друга, начинают общаться и влюбляются.

Однако, если у одной стороны вырабатывается толерантность к этим гормонам, даже отношения, длящиеся с детства, не будут длиться вечно.

Довольно, почему все, кто предлагает расстаться, так лишены фантазии? Сводят всё к фразам вроде ты такой хороший, я тебя не достоин, ты найдешь лучше или мы просто не подходим друг другу.

Нет любви — так и скажи, не нравится — так и признайся, чего болтать попусту, какой от этого толк? Если бы я на самом деле был так хорош, как ты говоришь, ты бы ни за что не бросил. А нынешние разговоры о несовместимости — вообще полная чушь.

Развернувшись и гордо уйдя, не оглядываясь назад, Сюй Лэ с того самого момента запер свое сердце на замок. Он думал, что так и проживет всю жизнь, но кто бы мог подумать, что встретит...

— Эй, я с тобой разговариваю, что за невоспитанность! — Человек напротив надул щеки, недовольно выпятив губы. Он совершенно не видел ничего странного в том, что ведет себя так, будучи парнем ростом под метр восемьдесят.

— Пф-ф! — Сюй Лэ готов был поклясться, что не хотел этого делать, просто сдержаться при таком зрелище было выше его сил.

— Извини, извини, я не нарочно.

— Да чего тут извиняться, хочешь смеяться — смейся, ничего такого. Только я все равно недоволен. — Смуглое лицо оказалось пугающе близко. Мужчина долго всматривался в глаза Сюй Лэ, и, лишь убедившись, что не видит в них ничего необычного, удовлетворенно кивнул.

— Сюй Лэ, мужчина, двадцать семь лет, живу один, был один роман, объект — Ху Кай из соседнего дома... Ой, какой же у тебя плохой вкус! — Тон был таким, будто он приходился Сюй Лэ лучшим другом, хотя мужчина даже не догадывался, что даже близкие друзья не осмеливались поучать Сюй Лэ — никто не хотел лезть на рожон, если только в голове не было пусто.

— ...Гм, будущий возлюбленный — Ли Цяньфэн... Ха?! Ли Цяньфэн?! Да ладно?! —

Возможно, от избытка чувств или по неосторожности, но их губы внезапно соприкоснулись. Никакой дистанции, идеальное совпадение.

— ...Менеджер Сюй?! Учитель Ли?! — Двери лифта с характерным звоном медленно разъехались. Под пристальным взглядом секретаря генерального директора ни Сюй Лэ, ни Ли Цяньфэн не сдвинулись с места. Двери лифта медленно сомкнулись, словно ничего и не было.

Внутри кабины первым подал голос Ли Цяньфэн. Его удивление еще не прошло, и он пробормотал: — Странно, разве моей второй половинкой не должен был быть Андора?!

— Это мое имя до университета. — Хотя перебивать других нехорошо, но когда речь заходила о личном, да еще и о своей второй половинке, Сюй Лэ было трудно оставаться равнодушным. Сюй Лэ нахмурился, оглядывая Ли Цяньфэна с ног до головы, а затем задержал взгляд на его до невозможности бледном, красивом лице.

— Ты ниже меня, светлее меня, красивее меня... и при этом всё ещё мужчина. Как ты вообще умудряешься... О небеса, за что вы так со мной?!

Ли Цяньфэн лежал на огромной кровати, слишком уставший, чтобы пошевелить хоть пальцем. Его кожа пшеничного оттенка была покрыта следами от поцелуев, а в голове, охваченной кислородным голоданием, не осталось ни одной связной мысли.

Сюй Лэ, будучи обнаженным, легко подхватил своего возлюбленного, который был выше и тяжелее его самого, и нежно поцеловал в зардевшуюся щеку, глядя на него с безграничным обожанием.

— ...М-м, не надо больше... я так устал.

Его голос звучал хрипло и не так приятно, как обычно, но для Сюй Лэ это было подобно искре, заставляющей его желание разгореться со скоростью света.

Сегодняшний день и правда вымотал Ли Цяньфэна, но ничего не поделаешь: кто велел возлюбленному уезжать из дома на целую неделю без разрешения? Даже работа не могла служить оправданием. Какой здоровый мужчина в расцвете сил выдержит такой долгий пост? Если бы Ли Цяньфэн не был доведен до полного изнеможения, Сюй Лэ не остановился бы так быстро. С сегодняшнего дня он твердо намерен как следует заботиться о своем возлюбленном — ради собственного счастья и, конечно, плотских утех.

— ...М-м, с меня... хватит... — пробормотал Ли Цяньфэн, чувствуя, как у Сюй Лэ вновь просыпаются порочные мысли, и выразил свое недовольство.

По сравнению с большинством людей его выносливость была на высоте, но ведь Сюй Лэ был сущим зверем! Неужели он не боится довести себя до истощения? К тому же, как он мог сказать ему правду заранее? Стоило только предупредить, как Сюй Лэ либо запер бы его, не давая и шанса выйти за порог, либо начал бы предъявлять такие требования, что Ли Цяньфэн едва смог бы стоять на ногах. Каждый раз, когда коллеги по работе многозначительно переглядывались, ему становилось неловко, какими бы крепкими ни были его нервы.

Сюй Лэ привел любимого в порядок, сменил простыни и, осторожно обнимая Ли Цяньфэна, погрузился в сон, чувствуя, что в этой жизни он больше ни о чем не жалеет. Если бы он его не встретил... он даже представить боялся, что бы с ним стало.

На следующий день, когда солнце уже стояло высоко, Ли Цяньфэн проснулся в теплых объятиях. Он потянулся и потер заспанные глаза, но рядом уже не было тепла другого человека — по всему выходило, что время уже позднее.

В воздухе витал аромат еды, и в животе тут же заурчало. Честно говоря, если не считать постельных дел, Сюй Лэ был редким сокровищем — идеальным партнером во всех отношениях.

— Цяньфэн, вставай, пора завтракать! — раздался голос снизу.

Ли Цяньфэну стало совестно дольше отлеживаться в кровати. Он натянул приготовленную одежду, взлохматил волосы, умылся и не спеша спустился вниз.

Сюй Лэ в фартуке сиял, как майское солнце. Его улыбка была настолько лучезарной, что Ли Цяньфэну, который, придерживая рукой поясицу, передвигался крайне медленно, захотелось стереть её с лица любимого.

Сюй Лэ поставил последнее блюдо на стол, притянул голову Ли Цяньфэна к себе и потребовал «закуску» перед едой.

Когда его наконец отпустили, Ли Цяньфэн судорожно вдохнул воздух. Каждый такой поцелуй был словно удушье — того и гляди, когда-нибудь он действительно отдаст концы от нехватки кислорода. При этой мысли Ли Цяньфэн недовольно сверкнул глазами в сторону Сюй Лэ.

— Цяньфэн, если будешь так на меня смотреть, останешься без завтрака.

— ...

Это что за новости? Не кормить из-за одного взгляда?! Где это видано? Протестую!

— Будешь и дальше соблазнять меня этим взглядом — три дня из кровати не вылезешь.

— ...

Ем, я просто ем. Я ничего не слышал, ничего не видел, ничего не произошло.

После возвращения из-за границы прошло два дня отдыха, и этого было вполне достаточно. Хотя Ли Цяньфэн не нуждался в деньгах, он искренне любил свою работу. Подхватив сумку и попрощавшись с Сюй Лэ, который рвался проводить его до самого офиса, Ли Цяньфэн благодаря своим длинным ногам быстро скрылся из виду.

Сделав две пересадки, он направился вовсе не на работу, а в международный отель, откуда на

лифте поднялся прямиком на последний этаж.

На вершине всегда холодно. Изящный мужчина с бокалом коктейля в руках любовался видом из окна, надув щеки и многозначительно играя бровями.

Ли Цяньфэн молча стоял позади, не проронив ни слова. Услышав, что шаги стихли, и не дождавшись ответа, мужчина начал злиться. Он развернулся, подошел к Ли Цяньфэну и ткнул пальцем в его крепкую грудь, надув губы. Он выглядел ещё более инфантильно, чем сам Ли Цяньфэн, однако был невероятно красив — если бы не отчетливо виднеющийся кадык, его вполне можно было бы принять за девушку.

— Почему молчишь? Не хочешь меня видеть, да? Считаешь, что я уже не так молод? Нашел новую любовь и старую забыл? Или думаешь, раз переложил меня на плечи другого, то всё уладилось? Говорю тебе, так просто не отделаешься! Если не уладишь это дело прямо сейчас, я прилипну к тебе намертво! Я ведь не зря ношу фамилию Лай! Хм!

Ли Цяньфэн посмотрел на этого вздорного мужчину и тяжело вздохнул, чувствуя, что постарел на несколько лет. Мужчина продолжал тыкать в него пальцем, не обращая внимания на то, что подушечка уже покраснела: он не отступит, пока не вытянет из Ли Цяньфэна хоть слово.

Они стояли, упрямо глядя друг на друга.

Наконец, с тяжелым вздохом мужчина признал поражение.

— И чего ты в итоге хочешь?! — Ли Цяньфэн уже понял, что его ждут неприятности, но ничего поделать не мог: никто и никогда не мог одержать верх над этим человеком, пока тот сам не сдавался.

— Ну, понимаешь, после того как я вышел из дома, оказалось, что не взял наличных. Деньги — не всё, но без них никуда. К тому же мне не с кем пойти по магазинам... сам понимаешь...

— Понял я, понял. Я составлю тебе компанию, доволен?

Ли Цяньфэн снова вздохнул, чувствуя, что этот человек был создан, чтобы стать его погибелью, но без него и самого Ли Цяньфэна не существовало бы.

Что-то было не так. Совсем не так. Сюй Лэ не мог отогнать от себя тревожные мысли: в последнее время Ли Цяньфэн был слишком тихим. Его несвойственная ему покорность вызывала лишь подозрения. Мало того, что от него исходил чужой запах, так этот запах держался уже несколько дней подряд, и на все расспросы он отвечал молчанием. Неужели это... нет, не может быть. Такого просто не может быть.

Раньше он думал, что даже если они расстанутся — ничего страшного, не впервой, но стоило только представить, что он может потерять Ли Цяньфэна, как сердце сжималось от боли. Если его не станет, куда ему идти?

Ли Цяньфэн замечал перемены в настроении Сюй Лэ, но у него не было сил разбираться ещё и с этим. Сейчас он хотел лишь поскорее спровадить этого «божка» и выговориться своему возлюбленному.

Один не решался сказать, другой не осмеливался спросить, и буря назревала под этой

обманчиво спокойной гладью озера.

В компании Сюй Лэ появилась группа новичков. Точнее, они впервые работали с этой фирмой, и среди них было немало сотрудников из конкурирующих компаний, а также один человек, которого Сюй Лэ знал слишком хорошо. Да, это был Ху Кай — его друг детства и первая любовь.

Сюй Лэ давно забыл, сколько лет прошло с их последней встречи. Сказать, что он ненавидит его? Нет. Любит? Исключено. В какой-то мере он даже должен быть благодарен Ху Каю: если бы не тот, возможно, он никогда бы не встретил своего нынешнего возлюбленного.

Ху Кай эффектно откинул назад свои роскошные волосы и выдал свою фирменную, безупречную приветственную фразу:

— Привет, красавец, меня зовут Ху Кай. Как я могу к тебе обращаться?

Подкат был настолько заезженным, что секретарю Сюй Лэ захотелось съязвить, но, видя своего босса, он лишь с презрением отвел взгляд.

Неизвестно, то ли Сюй Лэ так изменился, то ли первая любовь вовсе не запомнила его лица, но он холодно бросил:

— Давно не виделись!

Эта фраза ошеломила и Ху Кая, и секретаря. Неужели они знакомы?

— Менеджер Сюй, мы разве встречались? — осторожно поинтересовался Ху Кай. Он не понимал, что за человек перед ним, и боялся, что мог случайно обидеть его в прошлом — если это так, то хорошего ждать не стоит.

Сюй Лэ равнодушно смотрел на мужчину, в его душе не шелохнулось ни единого чувства. Он прекрасно понял ход мыслей Ху Кая, но сам не был из тех, кто смешивает личное с рабочим. Если у тебя есть способности — доказывай их делом.

— Разве ты не знаешь, какая у меня фамилия? Зачем спрашивать, как меня зовут? Кстати, у меня когда-то было другое имя, думаю, оно тебе знакомо. Андора.

— ...

Прошло несколько дней, полных беготни ради одного человека. Ли Цяньфэн был выжат как лимон: каждый день, возвращаясь домой, он принимал душ, ужинал и засыпал, едва коснувшись подушки. Ему было плевать, хоть царь обезьян пусть крушит небеса, хоть божество вторгается в море — все демоны и чудовища пусть проваливаются куда подальше.

Глядя на спящего Ли Цяньфэна, Сюй Лэ начал смутно чувствовать, что происходит что-то неладное.

Два дня назад его тошнило после еды, но он наотрез отказался идти в больницу, ссылаясь на занятость. Что может быть такого важного, чтобы пренебрегать здоровьем?

Неужели он его теряет? Нет! Ни за что!

— Умоляю, мы ходим столько дней, неужели ты не устал?! — Ли Цяньфэн, который никогда не был фанатом шопинга, не выдержал. — Лэ в последнее время начал беспокоиться обо мне, я не хочу, чтобы он накручивал себя.

В глазах мужчины мелькнуло пренебрежение.

— Тьфу, и зачем тебе такой никчемный мужчина? Столько времени прошло, а от него никакой отдачи, так что пускай себе накручивает!

— Я не позволю тебе так говорить о нем! Это совсем не его вина!

— Если не его, то чья? Может, хочешь сказать, что твоя? Или моя? Или, может, «его»? А?!

<http://bllate.org/book/21152/2144334>